

УДК 930.25

Канапацкая Зорина Ибрагимовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и славянских народов исторического факультета, УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», г. Минск, Республика Беларусь.

E-mail: history@bspu.by

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТАТАР-МУСУЛЬМАН СЕРЕДИНЫ XIX
ВЕКА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ,
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА В
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье на основе документов ведущих российских и белорусских архивов сделана попытка рассмотреть историю татарской мусульманской общности середины XIX века.

Ключевые слова. Татары, мусульмане, архивы

Zorina Ibragimovna Kanapatskaya, candidate of historical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of history of Belarus and Slavic peoples, faculty of history, Belarusian state pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus.

e-mail: history@bspu.by

MATERIALS ON THE HISTORY OF MUSLIM TATARS OF THE
MIDDLE OF XIX CENTURY IN THE COLLECTIONS OF THE STATE
ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA, THE RUSSIAN STATE
HISTORICAL ARCHIVE IN ST.-PETERSBURG, NATIONAL HISTORICAL
ARCHIVE OF BELARUS

Annotation. The article attempts to examine the history of the Tatar Muslim community in the middle of the XIX century on the basis of documents from leading Russian and Belarusian archives.

Keyword. Tatars, Muslims, archives.

Татары-мусульмане поселились в Великом княжестве Литовском в конце XIV века [1]. На протяжении нескольких столетий они сохраняли экономические, культурные и конфессиональные связи с Крымом и Турцией, признавая до конца XVIII века над собой духовную власть турецкого султана как халифа всех мусульман.

Царское правительство Российской империи относилось к нехристианским конфессиям бывшей Речи Посполитой в зависимости от политических обстоятельств. 30 октября 1794 г. в именном указе Лифлянскому, Эстлянскому генерал-губернатору князю Репнину Екатерина II писала: "не оставьте вы без замечания поселённых в литовских областях татарского племени войск, яко происходящих от народа храброго и прямодушного". Екатерина II в этом же документе пообещала татарам, "что не только оставляет их в свободе отправлять своё богослужение и при всём том, что в Литве они имеют, но желаем обеспечить их состояние" [2, 165].

В фондах Национального архива Республики Беларусь хранятся различные документы, которые отражают историю татарской общности. Все материалы можно условно поделить на две группы: первая – это документы канцелярии минского гражданского губернатора (фонд 295), минского губернского правления (фонд 299) и минского губернского дворянского собрания (фонд 319). Среди них указы Сената, постановления губернского дворянского собрания об утверждении в дворянстве лиц татарского происхождения и алфавитные списки татарских дворянских родов за 1819-1875 гг. [3] Другая группа материалов касается непосредственно жизнедеятельности мусульманских общин, абсолютное большинство которых составляли местные

татары. Если первая группа документов более или менее изучена, то документы второй группы совсем не исследованы и только в последнее время историки обратили на них внимание. Архивные материалы свидетельствуют, что российские власти держали под своим контролем такие важные вопросы в жизни верующих, как построение новых и ремонт старых мечетей, выборы имамов мечетей, конфликтные ситуации в общинах. Эти и другие вопросы должны были решаться с санкции государственных властей, иногда даже на самом высоком уровне.

К моменту третьего раздела Речи Посполитой (1795) на землях Беларуси и Литвы находилось 23 мечети и 65 молитвенных домов. Согласно списку, приведённому в монографии польского историка С. Кричинского, больше всего мечетей было в Троцком повете, который в прошлом был наиболее плотно заселён татарами.[4] Мечети были в основном в деревнях. К наиболее древним относились приходы в Некрашунцах под Лидой (1415), в Ловчицах под Новогрудком (1420).

В начале XIX века количество мечетей, действовавших в бывшей Речи Посполитой, уменьшилось в сравнении с предыдущим периодом. В Троцком повете мечети оставались только в Рейжах, Сорока Татарах, Винкшупах и Прудянах; в Виленском повете – в Лукишках, Немеже; в Лидском – в Некрашунцах; Ошмянском – в Довбучках; в Новогрудском повете – в Новогрудке и Ловчицах; в Минском – в Минске; Гродненском – в Багониках и Крушинянах; в Брест-Литовском – в Студенцах. Все они, за исключением Прудянской (была разрушена французскими войсками в 1812 г.) и Студянской (сгорела в 1915 г.), сохранились до начала второй мировой войны, а некоторые существуют и сегодня.

После присоединения Речи Посполитой к России строительство и ремонт мечетей находились под строгим контролем российских властей, о чём свидетельствуют документы Национального исторического архива РБ. К этому времени уже сложился комплекс указов, регламентирующий строительство мечетей. В 1829 г. появляется циркулярный лист департамента

государственного хозяйства и общественных построек Министерства внутренних дел "О правилах постройки татарских мечетей".[5] Позже все требования по поводу строительства мечетей были объединены в "Уставе строительном" (1857 г.). В нём имеется отдельный раздел, который так и называется "О построении магометанских мечетей". Согласно статьям 260-265 "Устава", мечети разрешалось строить "не иначе, как по представлениям от приходов и приходских чинов магометанскому духовному начальству... и с утверждением начальства губернского" (ст.260); построить мечеть могли только те общины, где было не менее чем 200 мужчин-мусульман, а мечеть и мулла находились на содержании у общины (ст.261); проекты зданий должны были утверждаться местными губернскими правлениями (ст.264).

В XIX в. существует уже сформировавшаяся мусульманская община Северо-Западного края. Её права и статус определялись юридическими нормами бывшего Белорусско-Литовского государства, заимствованными Российской империей. На протяжении длительного периода своего существования община прилагала большие усилия в деле строительства новых и ремонта старых мечетей, т.к. именно они являлись центрами сохранения и развития немногочисленного татарского этноса. Как результат этих стараний, было появление мечетей (примерно в середине XIX века) в двух местечках Игуменского повета – Узде и Смиловичах, а в конце XIX в. (1883-1884гг.) было получено разрешение на строительство приходов в Клецке и Копыле Слуцкого повета.

Чтобы всячески уменьшить влияние Османской империи на своих бывших подданных, на завоеванной Российским государством в 1783 г. территории Крымского ханства был учрежден муфтиат, которому подчиняют впоследствии мусульман бывлой Речи Посполитой. Вопрос о подчинении мусульман высшему конфессиональному органу рассматривался несколько раз. В 1803 г. татары западных губерний отказались подчиняться Оренбургскому муфтию, мотивируя это особенностью своего положения в результате привилегий, которые были дарованы польскими королями, когда вопрос о

конфессиональном подчинении вообще не поднимался, на некоторое время они были оставлены на самостоятельное управление. [6, 192-193] С 1983 г. в связи с общими изменениями в крае, связанными с восстанием 1830-31 гг., татары западных губерний были подчинены Таврическому магометанскому духовному правлению, в состав которого входили муфтий – глава правления из числа высшего духовенства и члены: кадийэскер (заместитель муфтия) и поветовые судьи. Однако мусульмане западных губерний никогда не имели своих представителей в духовном правлении и обращались туда исключительно за подтверждением выписок их метрических книг, утверждением кандидатов на должности муллы и его помощников; иногда по вопросам брака. В 1891 г. было начато преобразование Таврического магометанского духовного правления и было решено «изъять татар западных губерний по духовным делам из ведения означенного правления и подчинить их мулл общему гражданскому управлению». [7] Но рассмотрев это дело, оставили их в Таврическом магометанском духовном правлении. Правление осуществляло свою деятельность вплоть до своего упразднения в 1925 году. [8]

Сведения, имеющиеся в материалах дела, сохранившегося в фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК) состоящего из 64 страниц, свидетельствуют о переписке Таврического магометанского духовного правления в середине XIX в. с правлениями белорусско-литовских губерний. [9]

После окончания Крымской войны (1853-1856) возникла необходимость в сборе сведений о сохранившихся мечетях, количестве прихожан при них, мусульманском духовенстве и учебных заведениях. На заседании Таврического магометанского духовного правления от 6 июня 1856 г. было принято решение обратиться с этой просьбой не только к кадиям Крыма, но и в Минское, Гродненское, Виленское, Волынское, Подольское и Ковенское губернские правления. [9, л. 1-2]

Министерство внутренних дел Гродненского губернского правления от 6 ноября 1856 г., отвечая на запрос Таврического магометанского

духовного правления сообщило, что «...находятся мечети в следующих уездах: Гродненском – в имении Крушениях, Сокольском – в Богомилах и в городе Слониме». [9, л. 5-6]

10 декабря 1856 г. Гродненская полиция сообщает, что в г. Слониме действует одна мечеть, число прихожан при которой 306 человек. Мулла мечети утвержден указом Гродненского губернского правления от 29 февраля 1856 г., а муэдзин избран прихожанами Слонимской мечети. [9, л. 17-18]

Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий в Петербурге, Таврическое магометанское духовное правление, губернские правления на протяжении всего периода рассматривали в основном, дела связанные со строительством или ремонтом мечетей в белорусско-литовских губерниях, а также жалобы прихожан-мусульман, не согласных с выбором того или иного муллы или с деятельностью некоторых духовных лиц. Дела часто растягивались на долгое время из-за большого расстояния между Петербургом, Крымом, Минском, Вильно и Гродно. Так, 25 мая 1881 г. прихожане Слонимской мечети обратились за финансовой помощью к министру внутренних дел для отстройки после пожара здания мечети. В прошении они писали что «магометанское духовенство и мечети в Северо-Западном крае по силе закона существуют на исключительную лепту прихожан, которые, будучи обложены сбором на христианское духовенство и церкви» не имели достаточно денег и просили тысячу рублей. Министр отнесся сочувственно, и Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий 21 марта 1883 г. обратился в Таврическое магометанское духовное правление, чтобы оно выделило деньги за счет вакуфов и денежных капиталов. Деньги для слонимских прихожан были выделены. [7, л. 11, 12, 26]

Сокольский уездный суд препровождает в Таврическое магометанское духовное правление донесение муллы Алиевича, Богомильского магометанского прихода, сообщающего численность прихожан, составившую 63 человека. [9, л. 41-42] Поступили также сведения о мечети, находящийся в

имении Крушиняны Гродненского уезда, прихожан при которой числилось 281 человек. [9, л. 47]

Министерство внутренних дел Ковенского губернского правления от 31 декабря сообщило: «...как из представленного при настоящем донесении Новоалександровского земского суда ведомости о мечетях и духовных чинах магометанского исповедания видно, что в городе Видза Новоалександровского уезда существует один молитвенный магометанский дом, при оном находятся духовные чины (имам и муэдзин) дворяне Яков и Амурад Якубовские». [9, л. 30] Число прихожан обоего пола составило 300 человек.

В другом донесении министерства внутренних дел Ковенского губернского правления сказано, что «...мечетей и духовенства магометанского вероисповедания в г. Ковно не имеется, а татары, проживающие в г. Ковне для исполнения обрядов своей веры привозят муллу из Троцкого уезда деревни Рейт (вероятно, имелась в виду деревня Рейжи, совр. – Рейжай Литовской Республики – *К.З.*), где они и числятся прихожанами...». [9, л. 61]

Подольское губернное правление сообщило о «...нахождении магометанских мечетей в одном только Брацлавском уезде Подольской губернии...» и о распоряжении уездному земскому суду представить сведения в Таврическое магометанское духовное правление, в котором, в частности говорится, что в селе Хвастовцы имеется соборная мечеть, при которой числится 36 прихожан, а службу исполняет мулла Самуил Ловчицкий. [9, л. 51-52]

Вызывают интерес данные, полученные из Минского губернского правления. По рапортам полиции городов Речицы, Слуцка, Борисова, Мозыря и Бобруйска следует, что не мечетей, ни мусульманского духовенства в этих городах в середине XIX в. не имелось. В нашем распоряжении имеется свидетельство Борисовской полиции, что «...сия полиция имеет честь донести, что в г. Борисове магометанских мечетей, как равно прихожан и духовных лиц, вовсе не находится...». [9, л. 34]

Соборная мечеть находилась лишь в одном уездном городе – Новогрудке, прихожан при которой числилось 256 человек. При мечети имелись мулла и муэдзин. [9, л. 36] В Новогрудском уезде действовала еще одна соборная мечеть, прихожан при которой, как сообщает хатып мечети Якуб Якубовский, числилось 110 человек (вероятнее всего имелась в виду мечеть в деревне Ловчицы – *К.З.*) [9, л. 64]

В рапорте имама Осмоловской соборной мечети Слуцкого уезда Минской губернии Иосифа Богдановича-Байрашевского от 8 февраля 1857 г. сообщается, что в селении Осмолово, местечках Клецк и Копыль имеется соборная мечеть, которую посещают 287 прихожан обоего пола. [9, л. 54-55]

1 марта 1857 г. Таврическое магометанское духовное правление получило рапорт хатыпа с. Ляховичи Слуцкого уезда Якуба Мурзича, в котором сообщается, что мечеть в селе является соборной и ее посещает 332 прихожанина. [9, л. 37-38]

И, наконец, Таврическим магометанским духовным правлением было получено сообщение из Игуменского уезда Минской губернии о действующих соборных мечетях в местечках Узда и Смиловичи. Хатыпом первой мечети состоял Сулейман Александров, муэдзином – Абрагам Сулейманов. При мечети числилось 153 прихожанина. Имам мечети местечка Смиловичи Асан Азиголов «сын Полторацкий» сообщил, что мечеть посещают 315 человек. [9, л. 58-59]

В заключении следует отметить, что в материалах рассмотренного дела отсутствуют сообщения из Вилейской и Волынской губерний, которые мы надеемся обнаружить в фондах Центрального государственного архива Крыма в процессе дальнейших исследований.

Таким образом, по сообщениям, полученным Таврическим магометанским духовным правлением в 1856 – 1857 гг. в Гродненской, Ковенской, Подольской и Минской губерниях действовало 11 мечетей, при которых числилось, в общей сложности, более 2200 прихожан.

Анализ документов, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, Государственном архиве Республики Крым, Российском

государственном историческом архиве свидетельствует о наличии разветвлённой системы бюрократической опеки со стороны российских властей за деятельностью мусульманских общин, которые в тогдашних условиях общественно-политической жизни страны, были единственными социальными органами, которые способствовали белорусским татарам в сохранении своего этноконфессионального единства. Ключевые вопросы в жизни верующих, такие как строительство новых и ремонт старых храмов, выборы имамов мечетей, конфликтные ситуации в общинах и др. должны были решаться с санкции государственных властей, иногда даже на самом высоком уровне.

Список источников:

1. Полное собрание русских летописей. Т. VI, с. 130; т.VIII, с. 71.
2. Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии. (сост. С.Ф. Рубинштейн). Вильно, 1894.
3. Национальный архив Республики Беларусь (далее НА РБ), ф.319, оп.1, д.91.
4. НА РБ, ф.299, оп. 5, д.85.
5. НА РБ, ф.299, оп. 5, д.85.
6. Наш радавод. Гродна, 1992.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 8, д. 686.
8. S. Hasbiyewig. Polonya musulmanlari // Emel, 1992, № 190, с. 18-21.
9. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 315, оп. 1, д. 972. Дело Таврического магометанского духовного правления. «О собрании сведений о мечетях, магометанском духовенстве, училищах и текие». 1856 г.
10. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, лл. 1-2.
11. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, лл. 5-6.
12. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, лл. 17-18.
13. РГИА Санкт-Петербурга, ф. 821, оп. 8, д. 686, лл. 11, 12, 26.

14. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, лл. 41-42.
15. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, лл. 47-47.
16. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, л. 30.
17. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, л. 61.
18. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, лл. 51-52.
19. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, л. 34.
20. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, л. 36.
21. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, л. 64.
22. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, лл. 54-55.
23. ГАРК, ф. 315, оп. 1, д. 972, лл. 37-38.
24. ЦГАК, ф. 315, оп. 1, д. 972, лл. 58-59.